

прежде нежели ея «руководитель, философъ и другъ» облекается съ ея помощью въ свой парадный костюмъ, чтобы идти на профессорское собраніе. Только тогда, когда стукъ выходной двери возвѣщаетъ ей объ его уходѣ, только тогда вздыхаетъ она съ облегченіемъ.

Она снова усаживается въ большое кожаное кресло, въ которомъ сидѣла за письменнымъ столомъ и, закинувъ за голову утомленные руки, мрачно глядитъ на мухъ, расхаживающихъ по потолку.

— Богъ любить добровольныя жертвы!—громко произноситъ она.— *Онъ* не похожъ на Бога (для женщины человѣкъ, котораго она любитъ, и тотъ, котораго она ненавидитъ всегда—*онъ*). Лишь бы ему получить выговоренный фунтъ живого мяса, до остального ему дѣла нѣтъ!

И съ этими словами бѣдныя слезы навертываются у нея на глаза; но она рѣшительно отираетъ ихъ. Она не хочетъ, чтобы зоркіе глаза Сары видѣли, что она плакала.

— Не хочу, чтобы меня жалѣли!—говоритъ она, вставая и оправляясь.— Она не должна жалѣть меня! пусть никто меня не жалѣетъ!

Белинда идетъ въ свою комнату, перемѣняетъ платье и надѣваетъ болѣе нарядное, причесывается къ лицу и старается передъ зеркаломъ придать счастливое выраженіе своей физиономіи. Но прежде нежели она успѣваетъ добиться этого, на улицѣ показалась ручная телѣжка, медленно направлявшаяся къ ея воротамъ, подъ бременемъ громаднаго дамскаго дорожнаго сундука, Сара пріѣхала, а она не встрѣчаетъ ее! Эта мысль придаетъ ей крылья; и румянецъ, и улыбка, которыхъ она тщетно добывалась передъ зеркаломъ, оживляютъ ея лицо. За пять минутъ передъ тѣмъ, она не думала, чтобы что-нибудь могло возбудить въ ней то радостное волненіе, какое она испытываетъ теперь, слышавъ знакомый веселый смѣхъ, завидѣвъ хорошенькое личико, напоминающее дрезденскую фарфоровую куколку, и эти ножки, обутые въ чудовищно-нелѣпые башмаки. Когда онѣ жили вмѣстѣ, онѣ почти никогда не цѣловались или очень рѣдко. Теперь же не могутъ оторваться другъ отъ друга. Но одну ли только Сару цѣлуетъ Белинда? Не цѣлуетъ ли она также въ ней свою погибшую молодость, свою дорогую любовь, свой милый Везенштейнъ?

Въ душѣ обѣихъ сестеръ встаетъ воспоминаніе ихъ тяжелаго разставанія въ то ужасное январское утро! Въ продолженіе минуты онѣ объ не въ силахъ произнести ни одного слова, хотя бы имъ посулили за то тысячу фунтовъ. Ихъ выводятъ изъ за-